

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ ИНСТИТУТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Р. Ю. ШУЛЬГА*

Шульга Руслан Юрьевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры гражданского общества
Московского государственного
института международных
отношений (университета)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации

В статье анализируются современные тенденции в трансформации институтов международного правосудия через призму переоценки ценности прав и свобод человека в современных международных отношениях. Ставится проблема соотношения силы и права в международных отношениях в контексте норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. Подчеркивается, что важной гарантией действенности норм международного гуманитарного права и международного права прав человека является привлечение к ответственности виновных за совершение особо тяжких преступлений. Безнаказанность воспитывает пренебрежение к закону и поощряет дальнейшие нарушения. Правосудие же по отношению к виновным не только предупреждает дальнейшие нарушения, но и укрепляет самоуважение нации, выступает как символ разрыва с прошлым. Исследуются современные тенденции, при реализации которых позиция защиты прав человека служит лишь своеобразным предлогом и одновременно эффективным инструментом для достижения иных целей. Дана оценка

роли временных международных трибуналов в утверждении новых принципов международного уголовного права, с одной стороны, и их использовании как политический инструмент крупных мировых держав — с другой. Критически оценивается роль современных институтов международного правосудия с точки зрения их беспристрастности в расследовании военных и иных преступлений. Анализируется роль Международного уголовного суда; при этом подвергается сомнению эффективность его деятельности, призванной заполнить пробел в уголовной практике международного сообщества в области привлечения

* Shulga Ruslan Yurievich — candidate of legal sciences, senior lecturer of the Department of Civil Society at the Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

E-mail: ruslan.shulga@gmail.com

© Шульга Р. Ю., 2014

к ответственности лиц, виновных в наиболее тяжких преступлениях. Сделаны выводы о необходимости постепенного отказа от избирательного правосудия и развития внесудебных институтов по примирению и восстановлению истины в целях установления согласия в обществе и достижения справедливости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное гуманитарное право, международное право прав человека, международные трибуналы, международный уголовный суд, внесудебные институты по примирению и восстановлению истины.

SHULGA R. YU. SELECTIVE JUSTICE OF INSTITUTES OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW IN THE LIGHT OF HUMAN RIGHTS UNDER THE CONDITIONS OF CONTEMPORARY GLOBAL CHALLENGES

The paper analyzes current trends in transformation of institutions of international justice in the light of revaluation of human rights and freedoms in contemporary international relations. The author poses the problem of correlation between force and law in international relations in the context of international humanitarian law and international human rights law. It is worth noting that an important guarantee of effectiveness of the norms of international humanitarian law and international law of human rights derives from bringing the individuals committing serious crimes to liability. Absence of punishment fosters disrespect to law and encourages further violations. Justice towards criminals not only prevents further violations but also provides basis for self-respect of the nation and serves as a symbol of rejection of the past. The author examines current trends in implementation of which the position of human rights is a kind of a pretext and, simultaneously, an effective tool for achieving other goals. The article focuses on the role of temporary international tribunals in establishing the new principles of international criminal law, on the one hand, and their use as a political tool of major world powers, on the other hand.

The role of modern institutions of international justice is being critically reviewed in terms of their impartiality during investigation of war and other crimes. The role of International Criminal Court is examined; its effectiveness is scrutinized from the standpoint of its use for bringing criminals who are guilty of international crimes to international justice.

In conclusion, it is noted that international justice needs to refuse from selective justice and focus on development of out-of-court institutions to establish truth and reach amicable solutions aimed at bringing social consensus and justice.

KEYWORDS: international humanitarian law, international human rights law, international tribunals, the International Criminal Court, out-of-court institutions to establish truth and reach amicable solutions.

В условиях роста конфликтов как международного, так и немеждународного характера проблема защиты прав человека приобретает все большее значение. В последнее десятилетие преобладают внутренние конфликты (беспорядки, гражданская война и т. д.). Недавние события в Египте, Тунисе, Бахрейне, Ливии, Йемене, Сирии заставляют говорить о необходимости выработки новых механизмов для защиты прав человека. В настоящей работе предпринята попытка дать новую оценку роли современных институтов международного правосудия с точки зрения их беспристрастности при расследовании военных и иных уголовных преступлений. Представляется, что в условиях современных глобальных перемен вызывает сомнение эффективность деятельности институтов международной уголовной юстиции. Анализ деятельности временных международных трибуналов, а также Международного уголовного суда (далее — МУС)

позволяет сделать вывод о необходимости переоценки их роли в современном международном праве, постепенного отказа от избирательного правосудия, развития внесудебных форм по примирению и восстановлению истины в целях нахождения оптимального баланса разнородных социальных притязаний, установления согласия в обществе и достижения справедливости.

Противостоять массовым нарушениям прав человека призвано международное гуманитарное право; параллельно в рамках международного права действует международное право прав человека, представляющее систему принципов и норм, гарантирующих каждому человеку широкий комплекс прав и свобод. Указанные сферы в международном праве, хотя и имеют определенную специфику, но тесно взаимосвязаны.

Международное гуманитарное право определяет различные права и обязанности действующих лиц конфликта и организаций по оказанию помощи и опирается на специфические процедуры для задействия комплекса мер, а также санкций в случае нарушений. Оно призвано регламентировать наиболее проблемную сферу взаимодействия государств — ведение военных действий, в основном пытаясь помешать тому, чтобы конфликты достигали «точки безвозвратности».¹

История гуманитарного права напрямую связана с историей конфликтов и войн. Во все времена руководители окружали военную деятельность правилами, запрещениями и табу, целями которых являлись поддержание дисциплины и контроля в вооруженных силах, а также ограничение эффекта жестокости и разрушимости физической и моральной целостности участников вооруженных конфликтов, для того чтобы они смогли реинтегрироваться в общество после завершения конфликта.

Первые правила войны были в основном созданы на политической и религиозной основах и выражали настоящую проблему гуманизации социальных, политических и военных отношений (например, Первый китайский трактат об искусстве ведения войны, написанный, по некоторым источникам, в VI–V вв. до н. э.). Теория священной войны постепенно эволюционировала в теорию справедливой войны (ее причин и методов ведения). Данная эволюция закреплена современным международным гуманитарным правом, которое ограничивает возможности использования войны в отношениях между государствами и которое подтверждает, что какой бы ни являлась цель, используемые в ее достижении средства ограничены в соответствии с положениями международного права.

В современных условиях международное гуманитарное право является единственной юридической формой, позволяющей регламентировать действия по оказанию помощи во время конфликтов.

Нарушение норм международного гуманитарного права рассматривается как международное правонарушение, влекущее возмещение ущерба, а также уголовную ответственность за «серьезные нарушения» норм. Статья 147 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны к серьезным нарушениям относит преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты над людьми; преднамеренное причинение тяжких страданий, серьезно угрожающих физическому или психическому состоянию любого лица; незаконное депортирование или перемещение, незаконное лишение свободы;

¹ Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. Е. Кирпичниковой и В. Садитдиновой. 2-е изд., доп. и расшир. М., 2008. С. 417.

принуждение служить в вооруженных силах неприятеля; лишение права на беспристрастное и нормальное судопроизводство; взятие заложников и незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью.

Серьезные нарушения Женевских конвенций² квалифицируются как военные преступления. В качестве принципов применения уголовной ответственности за совершение военных преступлений выступают: 1) принцип неприменимости срока давности; 2) обязательность уголовного преследования и проведения суда; 3) принцип универсальной юрисдикции.

Таким образом, международное гуманитарное право предназначено и действует именно в экстремальных условиях вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, оно не допускает никаких отступлений, устанавливая гарантии защиты жертв войны. Необходимо уточнить, что международное гуманитарное право содержит принцип только справедливого ведения войны, но не определяет принципы справедливого начала войны.

Можно сказать, что международное гуманитарное право является последней и крайней надеждой во время кризисных ситуаций и конфликтов. Оно помогает человеку выжить во время вооруженных конфликтов и в условиях жестокости общества. Это право, которое выражается, защищается и утверждается в реальных событиях и в действиях, направленных на защиту прав человека.³

Нормы международного гуманитарного права подтверждены абсолютным большинством стран мира. Так, Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. ратифицированы 196 государствами; дополнительный протокол I к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, ратифицирован 174 государствами;⁴ компетенцию Международной комиссии по установлению фактов, имеющей право начинать независимое расследование (заявление к ст. 90 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям), признали 76 государств; участниками дополнительного протокола II к Женевским конвенциям, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, являются 167 государств.⁵ К Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.⁶ присоединились

² Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. XVI. С. 125–204, 279–280; Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Там же. С. 71–100, 279; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Там же. С. 101–124, 279; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Там же. С. 204–278, 280.

³ Vigny J.-D., Thompson C. Standards fondamentaux d'humanité: quell avenir? // Revue Internationale de la Croix-Rouge. 2000. Vol. 82. Issue 840. P. 917–939.

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) // Права человека. Сб. международных договоров. Т. I (часть вторая). Универсальные договоры. Нью-Йорк; Женева, 1994. С. 1027–1106.

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) // Там же. Т. I. С. 1119–1132.

⁶ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 68–71.

146 государств (данные о ратификациях приведены по состоянию на 5 мая 2014 г. (по Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам) и на 29 июля 2014 г. (по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него)).

Как уже было отмечено, международное гуманитарное право тесно связано с международным правом прав человека. Связующим фактором в процессе сближения этих важнейших отраслей международного права становится утверждение в них категории неотъемлемых прав человека. В универсальных международных актах о правах человека четко обозначен свод основных прав, которые признаются в качестве неотъемлемых и не подлежат ограничениям ни при каких обстоятельствах.⁷

Важной гарантией действенности норм международного гуманитарного права и международного права прав человека является привлечение к ответственности виновных за совершение особо тяжких преступлений. Безнаказанность воспитывает пренебрежение к закону и поощряет дальнейшие нарушения. Правосудие же по отношению к виновным не только предупреждает дальнейшие нарушения, но и укрепляет самоуважение нации, выступает как символ разрыва с прошлым.⁸

Важной вехой в развитии международного правосудия стало создание международных уголовных трибуналов для привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления во время вооруженных конфликтов. Попытки создать подобного рода институты появились еще после Первой мировой войны, когда страны-союзники выступили за привлечение к ответственности Кайзера Вильгельма II, однако противоречия между союзниками отложили осуществление данной идеи.⁹

Впервые международное сообщество пришло к согласованной позиции по созданию международного органа, который рассматривал бы преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, в 1945 г., когда были созданы два трибунала — в Нюрнберге и Токио.¹⁰ Вошедший в историю под названием Нюрнбергского трибунал¹¹ рассматривал дела в отношении военных, политических и партийных институтов гитлеровской Германии: СС (военизированные формирования, охранные отряды НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия)), СД (служба безопасности рейхсфюрера СС), гестапо, руководящего состава НСДАП, нацистского кабинета министров, генерального штаба и верховного командования вермахта. Всего обвинения были выдвинуты против 24 человек. 12 человек были приговорены к смертной казни через повешение. Три человека приговаривались к пожизненному заключению. Двое — к 20 годам и по одному человеку — к 15 и 10 годам заключения. Трое — глава отдела радиовещания министерства просвещения и пропаганды Ганс Фриче, вице-канцлер Германии Франц фон Папен, министр

⁷ *Право и права человека в условиях глобализации.* Мат-лы науч. конф. / отв. ред. Е. А. Лукашева, Н. В. Колотова. М., 2006. С. 182–183.

⁸ *Marx R.* A Non-Governmental Human Rights Strategy for Peace-Keeping? // *Netherlands Quarterly of Human Rights.* 1996. N 2. P. 127–145.

⁹ *Ball H.* Prosecuting War Crimes and Genocide: The Twentieth-Century Experience. Lawrence, 1999. P. 21.

¹⁰ *Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами.* Вып. XII. М., 1956. С. 79–86.

¹¹ *Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. // Там же.* С. 165–172.

экономики Ялмар Шахт — были оправданы. Один человек (Р. Лей) покончил жизнь самоубийством до приговора, спустя четыре дня после получения обвинительного заключения. Г. Крупп признан медицинской комиссией неизлечимо больным, и дело по нему было прекращено до суда.

Суд признал преступными организации СС, СД, гестапо и руководящий состав НСДАП. При этом нацистский кабинет министров, генштаб и верховное командование вермахта преступными организациями признаны не были.¹²

Трибунал в Токио в отношении японских милитаристов приговорил семерых к смертной казни, а 16 человек получили пожизненное заключение.

Работа международных трибуналов заложила основы для дальнейшей разработки принципов международного уголовного преследования лиц, совершивших военные преступления. Комиссия международного права ООН кодифицировала «Нюрнбергские принципы», содержащие принцип индивидуальной уголовной ответственности за противоправные деяния.¹³

Несмотря на то что работа международных трибуналов соответствовала моральному императиву того времени, правосудие осуществлено победителями в отношении побежденных (в международный военный трибунал были делегированы представители четырех стран — Великобритании, СССР, США и Франции).

Сам процесс и его результаты вызвали вопросы и острую критику не только со стороны защиты или представителей нейтральных государств, но и в среде антигитлеровской коалиции. Например, видный теоретик танковой войны генерал-майор Джон Фуллер назвал Нюрнбергский процесс «пародией на правосудие, проистекающей из лицемерия». ¹⁴ Такие высказывания были вызваны и политическими, и юридическими причинами. К политическим причинам следует отнести замалчивание на процессе фактов, невыгодных стороне обвинения. Например, советская делегация настаивала на необнародовании вопросов о секретном протоколе к советско-германскому договору о ненападении и всего, что с ним связано; вопросов по Западной Украине и Западной Белоруссии и проблемам советско-польских отношений. Кроме того, СССР настаивал на признании Германии виновной в массовом расстреле польских офицеров в Катыни. Англичане и французы требовали не поднимать на процессе мюнхенские соглашения 1938 г.

Стоит сказать, что и с точки зрения юридической стороны процесс проходил, мягко говоря, не всегда корректно. Судопроизводство велось от лица союзников, т. е. потерпевшей стороны. Тем самым нарушался фундаментальный принцип правосудия — состязательности сторон; в отношении обвиняемых не действовал принцип презумпции невиновности. Грубейшим образом был нарушен принцип взаимной вины, согласно которому сторона обвинения не может судить за преступления, подобные которым совершала сама (например, полное разрушение Дрездена в результате бомбовых ударов британской авиации; атомные бомбардировки американскими самолетами двух японских городов в августе 1945 г.; жестокое обращение советских войск с жителями Берлина после его капитуляции).

¹² *Нюрнбергский процесс*. Сб. материалов / под ред. К. П. Горшенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. Т. 1–2. М., 1954; *Дипломатический словарь* / ред. А. А. Громыко. М., 1984. Т. I–III. С. 289–290.

¹³ *Beigbeder Y. Judging Criminal Leaders: the Slow Erosion of Impunity*. The Hague, 2002.

¹⁴ *Мартынов А.* Время оценок // *The New Times*. 2010. 15 ноября. С. 56–59.

Эти нарушения принципов гуманного поведения мировым сообществом не квалифицировались как военные преступления.

Нарушения беспристрастности с юридической точки зрения процесса в Нюрнберге позволили в 1953 г. суду в Мюнхене удовлетворить иск вдовы начальника штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генерал-полковника Альфреда Йодля и по формальным основаниям реабилитировать генерал-полковника. Это притом, что в ведении А. Йодля находился контроль над выполнением директив А. Гитлера, в том числе направленных против человечности (законы о евреях и комиссарах).

В 1993 и 1994 гг. Совет Безопасности ООН создал два международных трибунала: по бывшей Югославии¹⁵ и Руанде.¹⁶ Указанные трибуналы, как и международные трибуналы в Нюрнберге и Токио, являются трибуналами *ad hoc*. Трибуналы рассматривали преступления, совершенные наиболее высокопоставленными участниками вооруженных конфликтов в Югославии и Руанде (геноцид, военные преступления, преступления против человечности).

Деятельность трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, их статус, правомочность, легитимность, беспристрастность вынесенных судебных решений вызывают неоднозначную реакцию в мире. В качестве главной претензии к трибуналу по бывшей Югославии называется его «антисербская» позиция (статистика подтверждает, что в качестве обвиняемых было привлечено намного больше сербов, чем представителей других этнических групп, населявших Югославию).

Созданный Советом Безопасности, а не по решению Генеральной Ассамблеи ООН, трибунал не в полной мере отвечал легитимности своего существования и таким образом не мог в полной мере быть беспристрастным.

Неоднократно на руководство Сербии оказывалось со стороны США и стран Европейского Союза давление с целью выдачи С. Милошевича и Р. Младича под угрозой непредоставления экономических кредитов и приостановления переговоров о вступлении Сербии в ЕС.

Необходимо сказать, что на слушаниях как трибунала в Нюрнберге, так и трибунала в Гааге (штаб-квартира трибунала по бывшей Югославии) это был суд победивших, поскольку к ответственности не были привлечены военнослужащие войск НАТО, которые осуществляли бомбовые удары по гражданским объектам бывшей Югославии (здание телецентра Югославии; посольство Китайской Народной Республики; поезд с беженцами). Такое избирательное правосудие подрывает престиж международного права. «Новый военный гуманизм» США и их союзников¹⁷ ставит под сомнение возможность найти справедливость посредством права.

Деятельность международного трибунала по Руанде подверглась не менее ожесточенной критике, связанной со скандалами, когда судьи, работавшие в трибунале, оказывались сами причастными к совершенным преступлениям.¹⁸

¹⁵ *Устав Международного трибунала по Югославии от 25 мая 1993 г.* // *Международное право в документах. Учеб. пособие / сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 817–828.*

¹⁶ *Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г.* // *Резолюции и решения Совета безопасности за 1994 год. Совет безопасности. Официальные отчеты: Сорок девятый год. Нью-Йорк, 1996. С. 20–24.*

¹⁷ *Chomsky N. The New Military Humanism: Lessons from Kosovo. Monroe, 1999.*

¹⁸ *Дериглазова Л. Международное судебное и внесудебное правосудие // Международные процессы. Т. 5. № 1 (13). 2007. С. 38–53.*

В конце 1990-х гг. появились «смешанные» трибуналы, т. е. трибуналы со смешанной юрисдикцией, применяющие как нормы международного права, так и национальное законодательство. Такие трибуналы созданы в Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе, Камбодже, крае Косово.

В 1998 г. был принят Статут МУС, вступивший в силу 1 июля 2002 г.¹⁹ Однако Суд, местопребыванием которого является Гаага (Нидерланды), приступил к своей работе только в марте 2003 г. после назначения Прокурора, Судей и Секретаря. По состоянию на 29 июля 2014 г. 122 государства ратифицировали Римский статут МУС, и 139 государств подписали его.

Создание этого Суда призвано заполнить пробел в уголовной практике международного сообщества в области наказания за наиболее тяжкие международные преступления,²⁰ а также предоставить потерпевшим возможность обращаться в суд. Его Статут был принят с целью продолжения работы трибуналов, созданных *ad hoc* для бывшей Югославии и Руанды. Юрисдикции МУС подлежат, при определенных условиях, преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии (ст. 5 Статута).

В отличие от трибуналов по бывшей Югославии и Руанде МУС ограничен в своей международной юрисдикции, так как она не является приматом над внутренней юрисдикцией стран, а является только дополнительной. Если дело было возбуждено в каком-либо национальном суде, то в этом случае данное дело не может быть принято к производству МУС, кроме случаев, когда возможно доказать, что соответствующее государство не хочет или не может завершить судебный процесс надлежащим образом (ст. 17 Статута).²¹

Учреждение данного Суда, безусловно, представляет собой прогресс в области международного уголовного права, так как со дня образования трибунала в Нюрнберге государствам еще не удалось создать постоянный международный суд, а также достичь договоренности относительно точного определения преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда. Кроме того, Статут МУС привлекает во внимание различные существующие в мире правовые системы, в отличие от трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, где преобладало влияние англосаксонской системы права.

Одним из недостатков Статута МУС является отсутствие определения агрессии. Много споров при разработке Статута МУС вызвало добавление к традиционным мотивам преследования (политическим, расовым, этническим, религиозным) гендерных мотивов преследования (ст. 7h Статута) в части трактовки значения «гендерный». Ватикан и арабские страны небезосновательно считают, что понятие «гендерный» включает в себя преследование в том числе и по причине принадлежности к гомосексуалам (чего они стремились избежать).

По состоянию на 2014 г. МУС расследует дела по Уганде (2005 г.), Демократической Республике Конго (апрель 2004 г.), Центрально-Африканской Республике (январь 2005 г.), Кении (март 2010 г.), Ливии (февраль 2011 г.), Кот-д'Ивуару (2011 г.), Мали (2012 г.). Совет Безопасности ООН

¹⁹ Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Международное право в документах. Учеб. пособие. С. 832–873.

²⁰ *Белякович Н. Н.* Права человека и политика: философско-правовые основы. Минск, 2009. С. 252–256.

²¹ *Автономов А. С.* Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. Науч. изд. М., 2009. С. 240.

также представил на рассмотрение Суда дело о ситуации в Дарфуре (Судан), основываясь на Резолюции 1593 от 31 марта 2005 г.

Однако эффективность созданного института далека от идеала в связи с тем, что три постоянных члена Совета Безопасности ООН (Китай, США и Россия) не ратифицировали Статут МУС. Кроме того, еще ряд стран не ратифицировали Статут МУС, среди которых и Израиль. США мотивируют свою позицию тем, что американское внутреннее общеуголовное и военное законодательство соответствует нормам международного права и позволяет самим осуществлять правосудие над своими гражданами. Однако истинные причины отказа США ратифицировать Статут МУС надо искать в другом: сами США используют непропорциональное военное вмешательство во внутренние дела других стран для решения собственных проблем; при этом их действия в некоторых случаях подпадают под признаки военных преступлений.²²

Отказ Израиля ратифицировать Статут МУС объясняется состоянием войны с Палестиной (оккупация их территории; внесудебное уничтожение лидеров палестинских групп; разрушение гражданских объектов).

Реальное функционирование норм международного гуманитарного права и международного права прав человека зависит от механизмов их имплементации на национальном уровне.²³ В связи с этим стоит сказать о Законе Бельгии о пресечении серьезных нарушений Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним от 16 июня 1993 г.²⁴ Закон распространяет некоторые серьезные нарушения международного гуманитарного права, квалифицируемые как военные преступления, на немеждународные вооруженные конфликты. Указанные в ст. 1 (п. 1–20) Закона действия или факты бездействия в отношении лиц, находящихся под покровительством Женевских конвенций или Дополнительных протоколов к ним (включая Протокол II), считаются «серьезными нарушениями».²⁵ Для обеспечения неотвратимости наказания за совершенные преступления в ст. 7 Закона закреплен принцип универсальной юрисдикции, по которому суд Бельгии не связан ни территорией, ни национальной принадлежностью обвиняемых, т. е. к суду могут быть привлечены иностранные лица, совершившие серьезные нарушения в ситуации внутреннего вооруженного конфликта, имевшего место за пределами Бельгии.²⁶

Подобное законодательство принято и в других странах, в частности в Дании, Испании, Канаде, Нидерландах, Норвегии, США, Финляндии, Швейцарии, Швеции.

Уголовное преследование как на международном, так и на национальном уровне служит восстановлению справедливости, однако внесудебное восстановление иногда является более эффективным механизмом восстановления справедливости. В качестве таких форм выступают комиссии по примирению и выяснению истины,²⁷ традиционные механизмы правосудия (Gagaca процесс в Руанде, механизм Mato Oput в Уганде и т. д.).

²² *Chomsky N. Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy. New York, 2006.*

²³ *Карташкин В. А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995.*

²⁴ *Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2000. С. 255.*

²⁵ *Права человека. Учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М., 2009. С. 553.*

²⁶ *Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. С. 255–256.*

²⁷ *Хайнц В. С. Уроки «дня после войны». Как комиссии по установлению истины могут помочь в урегулировании конфликтов // Internationale Politik. 2005. № 3. С. 56–65.*

Комиссии по установлению истины уже работали более чем в 40 странах мира. Их главная задача состоит в том, чтобы выявлять нарушения прав человека, иногда они занимаются возмещением ущерба потерпевшим.

В теории не существует единого определения того, что такое комиссия по установлению истины — они почти всегда создаются после военного конфликта, как правило, правительством или парламентом. В качестве главной задачи подобным комиссиям вменяется расследование нарушений прав человека, совершенных военными, другими государственными органами или вооруженной оппозицией. Благодаря этому в обществе формируется более правдивая картина произошедших событий во время конфликта.

Такие комиссии, как правило, финансируются правительством, иногда законодательным органом власти, ООН или неправительственными организациями.²⁸

Особенностью подобных форм является широкое применение амнистии в отношении лиц, привлекаемых к ответственности. Цель подобных форм восстановления справедливости — не наказание, а публичное осуждение. В рамках указанных форм примирения осуществляются проверка фактов; полное и публичное раскрытие истины; поиск пропавших лиц или тел погибших; помощь в захоронении тел согласно национальным и семейным традициям; официальное заявление или судебное решение о восстановлении достоинства, репутации, юридических и социальных прав потерпевших или лиц, тесно связанных с ним; извинение, в том числе публичное признание фактов правонарушения и ответственности за него; поминовение и дань памяти жертвам правонарушений и т. д.²⁹

Использование процедур примирения в отличие от показательных судебных процессов выглядит более приемлемым, особенно в современных условиях ввиду распространяющегося нигилизма по отношению к международному праву. За последние годы резко изменилось соотношение силы и права в международных отношениях. Конкуренция между государствами стала объективной реальностью, где сильный побеждает, невзирая на правовые рамки. Международное право в последние годы стремится поставить под контроль действия государств и других акторов исходя из логики баланса сил. Это особенно опасно в условиях «инфляции» прав человека. Международные и национальные органы правосудия постепенно трансформируются в транснациональную власть, когда с помощью судебных решений преследуются отставные и действующие главы государств, иные лица, занимающие государственные посты, а также распространяют свою власть на лиц третьих стран.

Некоторые считают, что международная уголовная юстиция — это просто селективная политическая форма правосудия, средство установить силовыми методами «судебный апартеид», разделить всемогущий Запад и слабые страны: «Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии является таким же орудием войны, какими могут быть бомбардировки или экономическая блокада. В современных войнах есть несколько стадий... стадия дезинформации, направленной на очернение противника... суд над «покоренными», добавляющий последние штрихи к оправданию войны. Право на вмешательство на гуманитарном и военном

²⁸ *Hayner P. B. Unspeakable Truths: Facing the Challenge of Truth Commissions.* New York; London; Routledge, 2001.

²⁹ *Gillard E. -C. Reparation for violations of international humanitarian law // International Review of the Red Cross.* 2003. Vol. 85. N 851. P. 531–532.

уровнях теперь дополнено правом на вмешательство в области уголовного права».³⁰

Другие видят в международной уголовной юстиции выражение лицемерной политики Запада, который поддерживает международные уголовные институты, когда те действуют против его противников, но оставляет за собой право выразить робкое сожаление, когда речь идет о его собственных преступлениях.³¹

Мир постепенно отходит от вестфальской системы международных отношений³² к новой — поствестфальской формуле. Такие изменения носят структурный, типологический характер (это особенно стало заметным после ситуаций в Ираке, на Балканском полуострове, в Ливии и того, что происходит в настоящее время во взаимоотношениях между Грецией и Европейским Союзом; фактического шантажа отдельных стран — отказа финансировать ЮНЕСКО — после принятия Палестины полноправным членом международной организации; того, что происходит вокруг ситуации в Иране и Сирии, и т. д.). Ключевым моментом данного типологического характера изменений служит избирательная легитимность, что само по себе предполагает наличие властной элиты, санкционирующей эту легитимность, а также негодных стран с ограниченным суверенитетом. На наших глазах происходит деформация ООН и вытеснение ее роли через передачу легитимности другим элитарным институтам — НАТО, Международному валютному фонду, Европейскому Союзу, где решения иногда принимаются посредством неформальных процедур.³³

Поствестфальская система закрепляет в общественном сознании специфические черты нового квазиправа, характеризующегося нечеткостью норм,³⁴ превашированием политических интересов, ролью государств на международной арене, неформальным характером отдельных международных организаций, непубличностью принимаемых решений.

Как отмечает Д. Валадес, в последнее время наметилась тенденция подмены права практическими действиями. Политика периода постмодерна исходит из установки, противоположной воззрениям эпохи правового позитивизма: если последний избегал политики, то первая игнорирует право. В итоге правовые нормы, призванные предупреждать и разрешать конфликты, мало-помалу подменяются политическими консенсуальными договоренностями.³⁵

Можно ли в современных условиях опираться на нормы международного гуманитарного права и существующие международные институты правосудия в целях сдерживания насилия, следования принципу беспристрастности при вынесении решений? Можно ли с полной уверенностью сказать, что международное судебное преследование лиц, ответственных

³⁰ Gallois P. M., Verges J. L'apartheid judiciaire — le Tribunal penal international, arme de guerre. Lausanne, 2002. P. 11.

³¹ Sundar N. Toward an anthropology of culpability // American Ethnologist. 2004. Vol. 31. N 2. P. 145–163.

³² Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М., 2009.

³³ Неклесса А. И. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 9. С. 103–112.

³⁴ Бауринг Б. Позиция Европейского Суда по правам человека в вопросе об избирательных правах граждан в контексте латвийской практики: критический взгляд // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2008. № 6. С. 28–42.

³⁵ Валадес Д. Контроль над властью. М., 2006. С. 126.

за совершение преступлений, будет иметь сдерживающий эффект? Напротив, такое преследование может привести к всплеску новых преступлений, и еще более жестоких. Установка на неприменное наказание лиц, обвиняемых в военных преступлениях, как залог мира оказывается в реальности контрпродуктивной. Необходимо постепенно отказываться от механизмов судебного преследования и развивать институты примирения для установления согласия в обществе и достижения справедливости, что будет способствовать закреплению легитимности норм международного гуманитарного права и международного права прав человека.

Политика примирения и широкое применение амнистии за прошлые нарушения прав человека — это способ на практике обеспечить соблюдение прав человека в будущем. В правосудии для жертв можно видеть императивное требование, но моральные обязательства нельзя вырывать из их политического контекста. Защиту прав человека следует рассматривать в контексте специфических политических реальностей, которые зачастую и диктуют оптимальное решение.

Иногда достаточным оказывается отстранение от власти людей, замеченных в нарушениях, а не их преследование, наказание и тем более ликвидация. Необходимо отказываться от избирательного правосудия, порождающего пагубную практику двойных стандартов,³⁶ что само по себе обесценивает институт международного права. Не столько следование закону служит основой мира,³⁷ сколько осуществление норм международного права выступает результатом мира и стабильности в обществе.³⁸

³⁶ *Bowring B.* The Degradation of the International Legal Order? The Rehabilitation of Law and the Possibility of Politics. New York, 2008. P. 39–61; *Мировая политика и международные отношения.* Учеб. пособие / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. СПб., 2008. С. 234.

³⁷ *Каламкарян Р. А.* Господство права (Rule of Law) в международных отношениях. М., 2004.

³⁸ *Snyder J., Vinjamuri L.* Trials and errors. Principles and pragmatism in strategies of international justice // *International Security.* Winter 2003–2004. Vol. 28. N 3. P. 5–44.